

*Секреты
женского счастья*

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачкова

Как убежать
ОТ ЛЮБВИ

Р О М А Н

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Оформление серии
С. Власова

Колочкова, Вера.

К61 Как убежать от любви : роман / Вера Колочкова. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-104571-5

Зое было девятнадцать лет, когда ее мама привела в дом мужчину и сказала: он будет жить с нами. Вскоре у мамы диагностировали рак, и она умерла. Переживая сильное горе, Зоя с ужасом понимает, что влюблена в отца, а в нее саму влюблен друг детства Ромка. Знакомство с отцом, который хочет принять участие в жизни дочери, еще больше запутывает ситуацию, и Зое теперь предстоит разобраться во всех этих сложных взаимоотношениях...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104571-5

© Колочкова В., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Сентябрь стоял сухой, солнечный и холодный. Глянешь в окно с утра и зажмуришься — красота... Осенняя, праздничная... Небо сияет лазурью, золотом горит листва. И кажется, градусник за окном врет, показывая низкую температуру. Но выйдешь на улицу и вздрогнешь — мама дорогая, холодно как! Хотя тут же и смиряешься с этой острой звонкой прохладой, потому что так правильно, наверное... Потому что в холоде умирать легче. Холод бодрит, холод не утомляет. И больше сил остается, чтобы лихо сплясать тот самый прощальный осенний танец на ковре из желтых листьев.

Да, так умирать легче. В отчаянном всплеске веселых ярких красок, в стремительном танце...

Зойка глядела в окно, щурилась на солнце. Странно, что именно эта мысль пришла ей сейчас в голову. Глупая по своей аналогии мысль. Потому что — разве можно проводить какие-то параллели... И аналогии... Или это просто инстинкт самосохранения так работает? Чтобы в нужной форме держалась. И не пугала маму отчаянием. Потому что мама... Потому что...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Да, Зойкина мама тоже умирала. Как осень. Весело и отчаянно. Иногда Зойке казалось, что мама даже выглядеть стала моложе. Кожа на лице натянулась, тело избавилось от лишних килограммов, и обозначились вдруг тонкая талия и длинные стройные ноги... А еще мама все время весело улыбалась, иногда чересчур весело. И выплескивалась через этот «чересчур» вся правда о том, как тяжело ей дается улыбка. И в глазах промелькивала токсичная паника, и наплевала эта паника на мамину веселую улыбку, потому что знала, что она — настоящая, а улыбка — нет. Потому что умирать все равно страшно. Хоть с улыбкой, хоть в панике, хоть в солнечном свете, хоть под проливным дождем. Какая разница, какой у смерти антураж...

Но если маме так хочется — пусть. Это она для них старается. Для нее, для Зойки, и для Саши своего. Для дочери, для мужа. Чтобы им не было так страшно жить на одной территории со смертью.

А что им, Зойке и Саше, оставалось? Они тоже старались улыбаться маме в ответ... И скалились все втроем, как будто делали бесконечное селфи...

Нет, в самом деле, а что делать прикажете? Как иначе? Не впадать же в слезную истерику при маме, правда? Это когда наедине с собой и со своим горем остаешься — это пожалуйста, трясись от рыданий, сжимай кулаки, грызи подушку, волком вой, захлебывайся отчаянием... А при маме — нет. Нельзя, и точка. Если ей хочется умирать с улыбкой, будь добра, доченька дорогая, улыбайся в от-

Как убежать от любви

вет. Вон и Саша, мамин любимый муж, тоже улыбается. Хотя лучше бы он этого не делал, потому что улыбка получается совсем жалкая. Да и у нее, у Зойки, она лучше, что ли? Они же с Сашей не артисты, чтобы уметь играть веселье в подобных предлагаемых обстоятельствах...

А «предлагаемые обстоятельства» свалились на них, как снег на голову. Когда они строили планы на лето, когда были беззаботны и счастливы. Хотя поначалу все не показалось таким страшным... Просто мама упала в обморок. В офисе фирмы, где работала. Сидела за рабочим столом, вглядывалась в экран компьютера, выполняла какое-то срочное задание шефа — и вдруг откинулась назад на крутящемся кресле, и оно начало крутиться вместе с мамой будто само по себе... Сначала никто из сотрудников не понял, что произошло. Решили, что мама устала и таким образом отключилась на полминутки, чтобы повернуться в кресле парочку оборотов. А потом поняли — что-то не так... Начали разводить суету — кто-то по имени ее звал — Таня, Таня! — кто-то за плечи тряс, кто-то по щекам принялся похлопывать — все без толку. Наконец догадались «Скорую» вызвать...

Благо «Скорая» приехала очень быстро, и медики так же быстро привели маму в сознание. Как выяснилось, у нее давление упало до самого нижнего предела. Вкололи лекарство, хотели с собой забрать, но мама воспротивилась. Она вообще панически боялась больниц, даже в поликлинику, когда грип-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

пом болела, старалась не ходить. Было у нее такое предубеждение против медицины и медиков, да... Как она объясняла — потому что в детстве много болела и «наелась» этой больничной спецификой по самое не хочу. Помнится, как бабушка сокрушалась маминым своеволием, но даже бабушка не могла заставить маму пойти на прием в поликлинику. А характер у бабушки был — о-го-го...

В тот день ее просто отпустили с работы, чтобы дома полежала, в себя пришла. А потом обморок повторился — через пару дней. Потом еще раз... Тогда уж Саша не выдержал, чуть не силой уволок ее в поликлинику, чтобы обследование назначили. Наверное, мама ни за что не позволила бы себя «уволочь», но Саша очень сердился. И стыдил ее — как можно так плохо к себе относиться! Неужели трудно пойти и провести обследование, банальные анализы сдать?

Его и провели, это обследование... А потом еще одно, более доскональное, уже в онкологическом центре, где мама лежала почти месяц. И объявили им с Сашей неутешительный результат... Мол, ничего уже сделать нельзя, поздно уже. Надо было раньше обращаться за помощью. Да только кто ж знал-то про это «раньше»? Если б знать, где упадешь...

В общем, первый день лета мама встретила у себя дома. Того самого долгожданного лета, последнего в ее жизни. Сначала плакала, потом плакать перестала и будто замкнулась в себе, сосредото-

Как убежать от любви

лась на своих внутренних переживаниях (или как там они называются, эти ощущения, когда знаешь, что скоро умрешь?), а потом вдруг преобразилась — открылась им без остатка. Будто хотела свою душу с ними оставить, отдать до конца всю любовь...

Между прочим, это ведь то еще испытание, если вдуматься, — забирать в себя умирающую любовь. Очень осторожно забирать, потому что нельзя потерять ни капли. Потому что знаешь, что они последние, эти капли... И нельзя их обесценить собственным отчаянием. И надо вывернуть себя наизнанку, чтобы твоя ответная любовь была легкой искрящейся радостью, а не черным горем прощания. Да, то еще испытание... Кто хоть немного в такой «любви» жил, тот знает.

А они с Сашей жили. Наверное, у них даже неплохо это получалось. Потому что научились понимать друг друга с полуслова, с одного короткого взгляда. Потому что бывали дни, когда надо было моментально решать, кому остаться с мамой. Одну они ее не оставляли. Ни на минуту. Хотя и не обговаривали это заранее... Все будто самотеком шло, в коротких утренних диалогах...

— Заяц, я ненадолго выскочу, ага? Сможешь первую пару в институте пропустить?

— Да без вопросов, Саш...

— Ага... Тогда я еще в супермаркет заскочу. А потом ты такси возьмешь и успеешь на вторую пару... Жаль, у тебя прав нет! Как-то мы упустили этот момент, давно надо было заняться...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Так это мама нам не позволила, Саш... Ты что, забыл? Я ж хотела на водительские курсы пойти, а мама вдруг испугалась — мол, рано еще... Будто я маленькая...

— Да, Заяц, я помню. Мама всегда за тебя так боится, что часто перестраховывается. Я тогда с ней спорить не стал. А зря... Сейчас бы тебе очень даже водительские правагодились...

— Ничего, я и на такси в институт успею. Не страшно.

— Хорошо... А когда вернешься из института, я еще ненадолго выскочу...

— Так я могу и последнюю пару пропустить, если надо!

— Нет, не надо. Таня беспокоится, когда ты много пропускаешь. Ты же знаешь...

— Хорошо, я приду после последней пары. А тебя с работы не уволят, Саш? Ты ж там появляешься эпизодически! То приехал, то снова уехал...

— Нет, не уволят. А если уволят — другую работу найду. Да это не важно, Заяц... Ничего, проживем как-нибудь. В случае чего я машину продам...

— Да ну...

— Тсс... Тихо, мама идет... Убери горечь с лица, Заяц! И окно закрой, холодом несет...

Мама вошла на кухню с улыбкой, произнесла сломанным болью голоском:

— Доброе утро, мои любимые...

— Доброе утро, мамочка!

— Доброе утро, Танюш...

Как убежать от любви

Они отвечали ей одновременно, будто немного контролируя друг друга — как звучат голоса. Надо, чтобы звучали хорошо. Так звучали, будто ничего ужасного в их жизни не происходит. Обыкновенное утро. Обыкновенный завтрак. Кофе, гренки, овсянка. Бутерброды с колбасой и сыром. Утро счастливых людей, любящих и уважающих друг друга. Любимая жена, любимый муж. Взрослая дочка.

Кому дочка, кому — падчерица...

Но это уже не важно. Да и вообще... Само слово «падчерица» ужасно противное. Стоит за ним что-то злое, как в детской сказке. Но ведь не было в Зойкиной жизни ничего злого в последние два года, когда в их с мамой жизни появился Саша... Любимый мамин Саша. А ее, Зойкин, стало быть, отчим...

Да, последние два года мама была счастлива. Два года любви для сорокапятилетней женщины — не так уж и мало, согласитесь. Настоящей любви, взаимной. Два года — как последний подарок...

* * *

Как позже выяснилось, мама и Саша давно встречались. Были тайными любовниками. Таими тайными, что даже она, родная дочь, ничего не знала! Нет, замечала, конечно, в маме кое-какие изменения, не без этого... И глаза стали блестеть по-другому, и в голосе появилось несвойственное

ВЕРА КОЛОЧКОВА

маме капризное кокетство, и прическу она сменила, и одеваться стала не так, как раньше... Да что там, полностью сменился весь ее женский рисунок, но никак Зойка это не связывала с появлением в жизни мамы тайного любовника, хоть убей! Да еще и женатого! Хотя... Разве можно нынче отыскать приличного мужчину в районе пятидесяти — и не женатого? Пока однажды он не появился на пороге их квартиры:

— Познакомься, Зайчик, это Саша... Он будет у нас жить. Вернее, мы вместе с ним будем жить... Ты не возражаешь, надеюсь?

Зойка так опешила, что даже и не подумала рассердиться на маму за этого Зайчика. Ведь договаривались же, что Зайчик — только в домашних стенах, а в присутствии чужих — ни-ни, никаких Зайчиков! Хотя — что ж теперь... Выходит, этот Саша тоже ей не чужой... Но мама могла и предупредить заранее, подготовить ее как-то к подобным переменам! А не вот так в лоб объявить — это Саша, он будет у нас жить...

На первый взгляд он ей не понравился. Неказистый совсем мужичонка. Ростом не вышел, особой статью тоже. Еще и нахальным каким-то показался... Глядит на нее и улыбается. Так улыбается, будто ждет, что она от радости начнет гопака плясать. Ага, шас! Не дождетесь от меня гопака! Свалился, как снег на голову, как тот Васисуалий Лоханкин из «Золотого тельца», еще и улыбается... «Я к вам пришел навеки поселиться, надеюсь я найти у вас приют...»

Как убежать от любви

Повернулась, ушла к себе в комнату. Но дверь до конца не закрыла, слышала, как мама весело успокаивает на кухне своего «Васисуалия»:

— Не обращай внимания, Саш... Это у нее просто первая реакция такая. Погоди, вы еще друзьями станете не разлей вода... Что я, своего Зайчика не знаю? Она ж взрослая уже девица, скоро сама разберется, что к чему...

Ага, взрослая! Тогда ей только-только девятнадцать исполнилось! Второй курс юридического института! Можно сказать, вчерашняя школьница! И вообще... Если мама считает, что она взрослая, почему и впрямь раньше про своего «Васисуалия» не рассказала? Не поделилась женским секретом? За маленькую и несмышленную в этих делах сочла? А тут сразу и нате вам — взрослая... Обидно, однако!

Вскоре она услышала, как хлопнула входная дверь. Вышла из комнаты, осторожно заглянула на кухню. Мама стояла у плиты, жарила котлеты, весело напевая что-то себе под нос. Обернулась к ней, улыбнулась вдруг так лучезарно, будто и не заметила следов обиды на лице дочери.

— Зайчик, ты что на гарнир будешь, макароны или гречу? Или картошки сварить?

— Да мне все равно, мам... И вообще, что ты у меня спрашиваешь? Ты теперь у этого спрашивай... Как его...

Хотела сказать — у Васисуалия Лоханкина, но остановилась в последний момент. Слишком уж

ВЕРА КОЛОЧКОВА

улыбка была у мамы счастливая. Не захотелось ее своей обидой портить.

— Теперь у этого Саши спрашивай, что ему на ужин готовить... Кстати, а где он? Куда сбежал?

— Он не сбежал, Зайчик. Он в магазин пошел. Говорит, вина надо купить, отметить это событие. Ну, и к чаю тортик какой-нибудь...

— Ах, он еще и алкоголик к тому же! Понятно!

— А что, хорошее вино по хорошему случаю пьют одни алкоголики? Например, красное сухое, французское?

— Ну, так уж и французское... Я думаю, для французского у него кишка тонка.

— Представь себе, с кишкой у него все в порядке... — Мама хохотнула коротко, сама удивившись несуразности ответа, и уже более серьезно добавила: — Зачем ты обижаешь хорошего человека, Зайчик? Ты ж его не знаешь пока... И уже так настроила себя на отрицание...

— А узнаю — и что? — с вызовом спросила она, чувствуя, что и впрямь перебарщивает с наездом. — Когда узнаю, прям-таки полюблю, что ли?

— Да... Когда узнаешь — полюбишь...

— Мам! Ты рассуждаешь, как влюбленная и оттого впавшая в неадекват женщина! Тебе кажется, что всем должен нравиться предмет твоей любви! Не узнаю тебя, мам!

— Да я и сама себя не узнаю, Зайчик... Последние двадцать лет уж точно со мной такого не было...

Как убежать от любви

— А двадцать лет назад было?

— Да. Было. Я очень любила твоего отца. Но это уже другая история, и я не хочу сейчас об этом... Так что все-таки на гарнир сотворить, Зайчик? Давай гречку?

— Давай... И все-таки, мам... Откуда он взялся, этот Саша? Давно ты его знаешь?

— Давно... Очень давно. Двадцать лет уже знаю.

— Погоди, погоди... Не хочешь ли ты сказать... Что этот Саша... Что он...

— Ты хочешь спросить, не он ли тот самый мужчина, которого я любила? То есть твой отец?

— Ну да...

— Нет, Зайчик. Саша не твой отец. Не волнуйся.

— Ни фиги себе — не волнуйся... Такие перемены в нашей жизни происходят — и не волнуйся! И что, ты все двадцать лет тайно с ним встречалась, что ли?

— Нет. Встречаемся мы только последние два года. Вернее сказать, прячемся. На углях танцуем. Мы и сами не знали, что все это так далеко зайдет...

— Надо же! Два года! И мне ничего не рассказывала! Скрытная ты, однако!

— Я не могла, Зайчик. Поверь мне.

— Он был женат, да? Хотя чего я спрашиваю... И без того понятно, что был женат...

— Он и сейчас женат. Не успел еще развестись. Просто ушел вчера из семьи. Ко мне ушел, понимаешь?